

Кристина Миляева
Кларисса Рис

Начало
после конца

Кларисса Рис

Начало после конца

«Автор»

2024

Рис К.

Начало после конца / К. Рис — «Автор», 2024

Олимпиада всё ближе... Начальство всё злее... А дети продолжают умирать. Первое дело, которое я так ждала, совершенно неожиданно обернулось катастрофой. Как сохранить не только погоны, но и собственную жизнь? Ведь единственные зацепки: зажатый в руках значок лагеря Орлёнок и странные раны на шее.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Дурные предзнаменования	7
Глава 2. Поперечины	15
Глава 3. Надежда	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Кларисса Рис, Кристина Миляева

Начало после конца

Пролог

– Младший лейтенант Петрова, по вашему приказанию прибыла, – я внимательно смотрела на полковника и старалась дышать через раз.

– Молодец, садись, – кивнул он на длинный ряд стульев. – Слышал, ты одна из лучших выпускников, потому и смогла получить распределение к нам.

– Так точно! – гордо приосанившись, я посмотрела в глаза мужчине. – Даже военную подготовку сдала по нормативам мужского личного состава.

– Прекрасно, – расплылся начальник в гаденькой усмешке. – Значит я не ошибся в своём выборе, и ты достаточно квалифицирована для того, чтобы заняться своим первым делом. Как ты могла слышать до «Олимпиады-80» осталось несколько месяцев. Совсем скоро в Ленинград со всего мира хлынут туристы. А это значит, что показатель преступности должен находиться на историческом минимуме и никто, слышишь меня, никто не должен прозябать без дела. Так что тебе повезло, не будешь бегать как участковые по квартирам, тебе сразу поручают важное дело.

– Будет исполнено, взять дело! – чётко и ясно отозвалась.

– Можешь быть свободна, папка перед тобой, – кивнул мне мужчина и погрузился обратно в работу с документами.

Схватив со стола увесистую синюю папку, я с трепетом прижала её к сердцу и поспешила покинуть кабинет. Никогда бы не подумала, что это окажется так здорово и волнительно. Многие говорили, что я до конца своей жизни буду прозябать в каком-нибудь захолустном отделе. Что следаками баб не делают. И ещё сотни три различных вариаций издевательств всех мастей, над моим выбором профессии. Но мне было плевать. Я пошла наперекор отцу и смогла доказать, что и без его поддержки чего-то стою.

Папа постоянно мне твердил, что дочке одного из крупных начальников в КГБ нет смысла где-то работать. От меня требовалось немного: быть красивой, закончить МИД и найти себе мужа побогаче и посговорчивее. Но мне такой подход претил. Как мама сидеть целыми днями в доме, смотреть за тем, как убирается горничная и таскаться по светским раутам и мероприятиям, мне лично не хотелось. Потому разругавшись с отцом в пух и прах, я громко хлопнула дверью, подала документы в школу милиции и переехала жить в общагу.

Матушка меня, конечно, сиротливо подкармливала, постоянно совала в карман десятки, но я как принципиальный человек, складывала их в коробку и раз в полгода, сгружала ей обратно. Мне таких подачек не надо. Не нравится что-то во мне, пусть отказывается! Я всё же дошла до конца своего пути, и теперь я сжимала в своих руках первое дело... И никто не знал, что я дочка того самого Петрова, которого на все лады расхваливают в «Комсомольце». Оттого на душе было ещё спокойнее и теплее. Я сама всего добилась!

Рухнув на свой стул в общем кабинете, я открыла документы и замерла. Табун мурашек промаршировал по позвоночнику, а сердце на мгновение остановилось. В папке лежало нашумевшее дело, которое встряхнуло весь Ленинград и поставило его на уши. Убийство детей, в возрасте от восьми до тринадцати лет. Маньяк, которого уже успели прозвать «Птичником», в очередной раз вышел на охоту. И теперь, мне, едва ступившей на путь следователя, предлагали разрешить головоломку, которую полгода не могли распутать даже самые опытные следаки?

– Ну что, Петрова, пакуй вещички, – заржал Толик за моей спиной.

– Что там? – майор поднял глаза от своих документов и посмотрел на нас.

– Жиробас на малявку скинул нашего Птичника, – отмахнулся старший лейтенант, который просидел в милиции уже четыре года, но так ничего и не добился. – Походу, её тушкой он решил прикрыть весь отдел. Два в одном, свалить висяк на идиотку, и выпнуть оную под зад, чтобы не портила статистику. А то вон чего удумала, баба в следаки. Курам на смех.

– Анна Николаевна, желаю вам удачи, – тонко улыбнулся светловолосый красавчик, получивший должность по благу. – Был рад с вами познакомиться. И надеюсь, что у вас есть ещё хобби, которое позволит прокормиться, в милиции вам больше не работать!

– Это ещё почему? – удивлённо вскинула я тёмную бровь. – Если я распутаю это дело, то мне не только майора сразу дадут, но и к государственной награде приставят.

– Ты что, себя вторым Петровым из Москвы вообразила? – заржал басовита Толик над ухом.

– Будет тебя, Анька, – меланхолично протянул Костя. – Сюда по слухам уже кто-то из КГБ едет, чтобы оторвать нашему управлению голову за нераскрытие такого резонансного дела. Так что это просто спихнули на тебя. Некого больше подставить, а тут ты пригодилась. Не успеешь хоть что-то нарыть, и тебе кранты. Службу в милиции не увидишь, как своих ушей. Жалко мне тебя, так что, если хочешь, можешь ко мне домработницей пойти. Мать очередную уволила, а толковых баб мало.

– Я поймаю этого урода, можешь не сомневаться! – яростно сверкнула глазами и поднялась из-за стола. – Даже если ради этого придётся прыгнуть выше головы, я это сделаю! Никому не позволю загубить своё первое дело.

– Петрова, на выезд, – гаркнул дежурный. – Там опять найден труп школьника и кажись по твою душу, так что покойся с миром. Пятый, и это на кануне Олимпиады.

– Ну, о чем я и говорил? – усмехнулся майор.

– Мы ещё посмотрим, кто сможет раскрыть это дело! – гаркнула я и выбежала прочь из своего кабинета.

Глава 1. Дурные предзнаменования

Солнце медленно заходило за горизонтом и напоминало о том, что провокации до добра не доводят. Но я не могла смириться со всем происходящим. Пусть рабочий день давно закончился, но в груди жгло коленным железом от осознания того, что меня хотели подставить. Просто использовать и вышвырнуть, как ненужную вещь. Словно я не человек, а жалкая игрушка. Питер, хранил свои тайны. Это не шумная и душная Москва. Я сбежала сюда подальше от отца и потухших глаз матери, которая раз за разом молча разъедала мою уверенность в себе.

Хотелось свободы, независимости, и чтобы чёртова фамилия, не сходящая с газетных заголовков, не преследовала по пятам. Там, в столице, я была под прицелом. Любой визит мамёнки мог стоить мне конспирации. А тут я была совершенно свободна. От долгов перед родителями и обязанностей единственной наследницы Петрова. Так что, если они хотели вышвырнуть меня из отдела и управления, то явно ошиблись с методами. Я костями лягу, но найду маньяка, который три месяца орудует в городе. Даже если это будет единственным, что я смогу, дело до конца я доведу!

Я всегда боялась кладбищ, потому из машины выходила с опаской. Глупый, детский страх, собирался мне помешать. Но я не настолько слабая. На территорию Новодевичьего я заходила с бешено колотящимся сердцем и потными от нервов ладонями. Могильные кресты и плиты в вечерних сумерках казались призрачными, окутанными серой дымкой и каким-то смогом. Сердце забилось ещё сильнее, словно хотело пробить костяной каркас своей ненадёжной клетки. Ладони заледенели. В голове мельтешили все страшные истории, которые я слышала от товарищей в школе милиции и преподавателей, читающих нам лекции и передающих знания, молодому поколению.

Мы шли между неровными рядами захоронений. Какие-то были ухоженными и нарядными, какие-то напоминали заброшенный мемориал, а перед какими-то лежали сотни цветов. Всё это внушало страх, заставляло мурашки в паническом марше спускаться от линии роста волос, по позвоночнику, до самых пяток. Какое-то время было тихо... Только короткие порывы ветра теребили листья на деревьях, заставляя их перешёптываться между собой. Май... Всего несколько дней до каникул и два месяца до открытия Олимпиады. И это всё, что я знала о сроках, отведённых мне на поимку преступника.

В один момент я явственно ощутила на себе чей-то недовольный, ледяной взгляд. Он пробирался под летнюю милиционерскую форму и оседал на коже сотнями крошечных иголок. Это пугало... Я понятия не имела, что именно было не так, но интуиция просто вопила, что следует немедленно брать ноги в руки и бежать без оглядки. Облизав губы, я с трепетным волнением обернулась через плечо, и... Никого... Позади меня я не увидела даже размытого силуэта. Завершая процессию, шествующую по ночному кладбищу, я чётко и ясно ощущала тяжёлый и пристальный взор того, кого не могла разглядеть.

Тряхнув головой, я постаралась привести мысли в порядок. Неужели, от нервов и паники, уже начала мерещиться всякая чертовщина? Не зря же профессор говорил, что суеверным людям в профессии нет места. У каждого, даже самого мистического, чуткого и необъяснимого дела, существовала вполне обыденная и даже немного скучная разгадка. Главное, раньше времени не поддаваться панике и пытаться найти все ниточки, связывающие дело в единую картину преступления. И никаким кладбищам в этой головоломке места отведено не было.

Луна вышла из-за тучи и залила своим призрачным светом всё пространство. Каждое надгробие теперь ещё ярче контрастировала с тем, как живые люди шли между ними. Странно... Как будто мёртвые внимательно наблюдали за нами с могильных медальонов. Я понимала, что это чушь, но жути от этого не уменьшалось. Головой можно было осознавать

что угодно, а сердечко предательски трепыхалось в груди. Судорожно выдохнув, я ускорила шаг и нагнала криминалиста, который с каменным выражением лица, шёл за зрителем и не выражал никакого интереса к месту упокоения.

Сжав руки в кулаки, я прикусила губу до резкой боли, отчаянно стараясь подбодрить суму себя и окончательно не раскиснуть. Я пообещала, что распутаю это дело и покажу, как надо раскрывать преступления. А вот так буксовать на начальном этапе было верхом идиотизма. По крайней мере профессор по дознанию, сильно опечалился бы, узнав, что его любимица поддавалась панике. Вот только чей-то злобный взгляд продолжал преследовать в ночном полумраке и не позволял выкинуть из головы ненужные мысли. Не прекращая идти, я снова обернулась и боковым зрением заметила нечто серое, мелькнувшее за одной из могильных плит. То ли преследователь, то ли блик.

Но даже этого крошечного мига хватило на то, чтобы меня охватила паника и я вцепилась в руку идущего впереди криминалиста и больше не оборачиваясь шла, как привязанная. Чьё-то сбивчивое дыхание и шаги становились всё отчётливее и громче. Признаваться в своей некомпетентности не хотелось, но старый и умудрённый жизнью мужчина, лишь стянул со своего плеча потёртый мундир и накинул на меня. Кладбище явно не то место, где можно открыто ржать над новичками вроде меня. Тут жутко лишь от одной мысли, что уж говорить про тени за могильными надгробиями и странные звуки, разносящиеся в ночи.

На западе сгинули последние нежный всполохи майского заката, когда непутёвая младший лейтенант ленинградского уголовного розыска в сопровождении эксперта и оперов прибыла на место преступления. Нет, ну а как ещё можно было охарактеризовать собственную персону, когда первое же попавшее мне в руки дело, не просто дурно пахло, а было прямым билетом в один конец. В мгlistой ночной темени, я отчётливо осознала, что на меня скинули висяк, который мог запросто стоять мне не только погоню, но и мирной жизни. Пять трупов... Пять детей... Пять невинных жизней, которым было о чем сожалеть.

Старший следователь оперативной группы Анишкин, сопровождающий меня по приказу начальника, был статным мужчиной тридцати четырёх лет. С очаровательной женой и тремя детишками, он стоял и хмурил брови. Характерные мужественные черты лица вкупе с короткой бородой и шрамом на правой щеке придавали ему какой-то поистине героический вид. Но в это мгновение меня не утешало даже это. Знать, что вот так... Нет... Это явно было сделано специально. Ибо принять тот факт, что все происходящее, связано не только с нашим местным уголовным розыском, но и выходило за рамки интересов одного отдела, было тяжело.

А убийство-то на самом деле очень резонансное и рассекречивать материалы не хотелось никому, и отвечать головой тоже. Труп четырнадцатилетнего подростка обнаружила пенсионерка, пришедшая по весенней прохладе навестить могилу покойного мужа и едва сама не загремела рядышком, с сердечным приступом. Благо на её вопли прибежали другие вечерние посетители Новодевичьего кладбища. И самое смешное, что ни момента убийства, ни самого убийцу, никто не видел. Труп словно из воздуха появился и заставил в очередной раз переполошиться весь уголовный розыск Ленинграда.

– Как тут? – переступая с ноги на ногу, я смотрела на обескровленное тело ребёнка.

– Мальчик убит ударом ножа в шею, – сидя на корточках, заметил эксперт-криминалист, который внимательно осмотрел нашу жертву. – Удар пришёлся по касательной слева направо, так что почерк схож. Но я до сих пор не уверен, какое оружие могло бы оставить такие рваные раны. Скорее всего что-то экзотическое или самодельное. Ему как будто глотку разодрал дикий зверь, но слишком аккуратно в несколько полос. Не могу сказать, что я удивлён. Но неприятный осадок остался. Это явно дело рук психопата, нормальный такое провернуть не сможет. Через два надреза откачать кровь. Для подобного трюка нужно не просто медицинское образование, но и специальная аппаратура.

– Жуть, – присвистнул лучший опер северной столицы.

Я осторожно примостилась рядом. Черноволосый кареглазый мальчишка лежал возле заброшенной могилы, заросшей одуванчиками и чем-то колючим. Глядя в небо широко распахнутыми глазами, он испуганно разинул рот в немом крике отчаяния. На груди в районе сердца виднелось крошечное кровавое пятно, на шее зияла достаточно широкая рана, но предположить, что она стала причиной, обескровленной трупа, было сложно. Я перевела потерянный взгляд на деревянный могильный крест, около которой лежал труп: «Велик... ..рами... ..Итак... 18.....18.9 – 2..09.1.76». Разобрать её полностью не представлялось возможным.

– Отправляйте тело в лабораторию, – выдернул меня из размышлений голос криминалиста. – Тут я больше ничего не смогу сказать. Но мне это не нравится. Дело явно с душком

Тяжело вздохнув, я закрыла умершему глаза и подняла взгляд к небу. Что вообще я хотела доказать этим зазнавшимся мужикам. Нет... Терять работу не хотелось, но и стало немного жутко, от осознания того факта, что вот так просто, кто-то ходил по городу и убивал детей. Пацану едва ли больше пятнадцати было. Совсем ещё маленький, я в его возрасте занималась музыкой и мечтала стать примой Большого. Давящая атмосфера кладбища, труп несовершеннолетнего, странный надрез на его шее – всё это невольно наводило на мысль о чём-то мистическом, жутком, кошмарном. Ещё и взгляд из-за могильных плит вспомнился не к месту.

Криминалист резко поднялся на ноги и пошёл по ночной кривой дорожке, достав из кармана пачку сигарет и коробок спичек, закурив перед очередной бессонной ночью. Напряжённо думая, я двинулась следом за ним, стараясь не потеряться на извилистом пути, ведущем в сторону северных кладбищенских ворот. Судя по всему, мальчик шёл оттуда из самой древней и заброшенной части, где могилы уходили своими корнями в историю царской России. Пока оперуполномоченные исследовали территорию в поисках улик, я на пару с главой криминалистов достигла небольших ворот, которые уже лет двести не являлись основным входом на кладбище. Но ни следов взлома, ни каких-то повреждений на них обнаружить не удалось. Они были надёжно заперты и ржавы настолько, что даже взрослый мужчина не смог их сдвинуть.

И почему-то именно в этот момент я с отчаянием осознала, что найти убийцу будет очень сложно. В голове план мгновенно развалился и превратила в нечто бесформенное и нежизнеспособное. Оставалось лишь одно, начинать, как и все остальные с самого начала. А для этого мне следовало составить круг общения и выяснить, что же связывало пятерых подростков разного возраста, с разных районов и с разными интересами. И каким образом каждый из них оказывался на Новодевичьем кладбище, мёртвым и с перерезанным горлом.

Утро началось едва ли не хуже, закончившейся ночи. В голове гудело, хотелось с кем-то поделиться волнениями и переживаниями. Но беспокоить матушку не хотелось, она и так нервная последнее время. Отец опять пропал на работе, а она сидела заперти большого дома и больше не имела предлогов для прогулок. Натянув форму и накинув поверх пальто, я поспешила в отдел. Захватила документы и рысцой рванула к дому последней жертвы. Позвонил в потёртую дверь, я уже морально готовилась к тому, что придётся утешать мать. Тяжёлую створку открыла перепуганная женщина в простом домашнем платье. Вздохнув, я достала удостоверение и показала той, едва ли не тыкая в нос. А ведь дома у меня сидит, такая же перепуганная мать.

– Вы насчёт Эдика? – едва не задыхаясь от волнения выпалила женщина. – Где он? Скажите, что с ним? Почему он не пришёл домой! С ним же всё хорошо!

– Здравствуйте, – негромко произнесла я и бочком протиснулась в квартиру, чтобы не устраивать сцен в парадной. – Да, я по поводу вашего сына. Прошу прощения, как я могу к вам обращаться?

– Я... Меня зовут Анискова Мария Витальевна, – женщина начала белеть на глазах. – Что случилось? Что с Эдиком? Не молчите же!

– Ваш сын найден мёртвым на Новодевичьем кладбище, вчера вечером, ориентировочно в шесть часов вечера по московскому времени, – тихо произнесла я, стараясь говорить ровным

и беспристрастным голосом, как учили в школе милиции. – Его убили и теперь мы ищем тех, кто сделал это. Прошу вас принять мои соболезнования и помочь следствию в решение этой проблемы. Сейчас на счету каждая минута.

– Что?! – лицо женщины исказила гримаса ужас и недоверия, паники и первобытного страха. – Что вы такое говорите? Этого не может быть! Это ошибка! Мой Эдичка не мог умереть! Он утром пошёл в школу и просто заигрался с мальчишками во дворе! Вы лжёте мне! Убирайтесь!

– Мария Витальевна, успокойтесь и проявите понимание, мы должны как можно быстрее сузить круг подозреваемых и найти тех, кто это сделал, – затараторила я, немного встряхнув убитую горем мать за плечи. – Я всё понимаю, но слезами вы делу не поможете, нужны показания и чем быстрее мы приступим к поискам, тем больше шансов найти тех, кто ответственен за это преступление. Вы меня понимаете?

– Убирайтесь прочь! – завопила она, рыдая.

Убитая горем женщина вжалась вспотевшей спиной в стену и замотала головой, словно старалась этим странным жестом стереть меня из своего поля зрения. Из глаз брызнули слёзы, и она медленно осела на пол, завывая в голос и раскачиваясь из стороны в сторону. Я же, подхватив её под руки, поспешно усадила на стул и сбегала на кухню. Найдя валерьянку, накапала в стакан с водой и принесла воющей от бессильной злобы и отчаяния матери, чей сын ещё вчера утром, так безмятежно ушёл в школу, а сегодня вести о его смерти принесла полицейская. Понимая, что она не в состоянии взять успокоительное я сама буквально насильно влила его в рот истерящей даме.

Она кричала долго и надрывно, пыталась царапать мой плащ и мотать головой в безумной ярости. Но это не помогало, ситуацию нельзя было обернуть вспять. Проблемы подобным образом не решались. На дикие вопли выбежала девочка лет десяти. Завидев рыдающую мать, она прижала к груди небольшого потрёпанного медвежонка подпалённого коричневого цвета, которого вынесла из комнаты, и тоже горько заплакала. Это уже было выше моих сил, я сама едва могла держаться. Грудь жгло и разрывало, но это моя работа, я должна оправдывать своё звание. Я должна найти убийцу, не только ради себя, но и ради тех, кто так же кричал и плакал по погибшим детям.

– От ваших показаний зависит многое, – наконец-то нашла в себе силы разлепить сухие губы. – Скажите, пожалуйста, что должен был делать ваш сын на протяжении вчерашнего дня? Это поможет сократить круг подозреваемых и отследить маршрут передвижения. Возможно, кто-нибудь вспомнит и поможет опознать убийцу. Прошу вас, поймите нас правильно. Мы теряем время, и каждая лишняя минута промедления может стоить ещё нескольких жизней. Это тяжело... Страшно... Но я обещаю, сделаю все возможное, чтобы найти того, кто виноват в смерти вашего ребёнка, и он получит высшую меру наказания.

– Я не знаю, – из глаз женщины снова брызнули слёзы, и она закрыла лицо руками. – Он сбежал вчера вечером. Я уложила Оксану спать, и мы с мужем тоже легли. Вчера с утра проснулась, а кровать не тронута, учебников нет, портфеля нет. Мне показалось это странным, и я растолкала мужа. Но как бы мы не пытались узнать, никто не видел Эдика. Он как сквозь землю провалился.

– Где сейчас ваш супруг? – постаралась я прощупать почву такого равнодушия со стороны отца мальчика. – Почему он не пришёл в милицию и не написал заявление? Или не позволил вам этого сделать. Тогда бы у нас был шанс отреагировать на пропажу ребёнка и отыскать его до случившейся трагедии.

– Он сказал, что сам его найдёт... – сквозь рыдания отозвалась женщина. – Что от милиции все равно никакого толку и они только штаны просиживают. Потому я подумала, что все обойдётся и не стала никуда сообщать. А тут пришли вы... И мой Эдичка...

– У вашего сына были враги? – вопросительно вскинула я бровь. – Может быть, в школе с кем-то не ладилось? Или во дворе его задирали?

– Ничего такого не слышала от него, – покачала головой мать. – Ни о каких врагах, да у него и друзей-то не было. Он в прошлое лето впервые в жизни съездил в пионерский лагерь, но и там видимо не сложилось. Приехал грустным и расстроенным, я не стала допытываться. Может смена не пришлась по душе. А теперь уж...

– В последнее время к вам в дом приходил кто-нибудь посторонний, кому вы не доверяли и могли бы проговориться о чем-то ценном или важном? – продолжала задавать я положенные вопросы, которые явно не приносили никакого проку.

– Мои мать с отцом, отец мужа, его сестра с дочкой, – размазывая слёзы по лицу, с трудом проговорила женщина. – Я хочу... Хочу увидеть своего мальчика... Покажите мне его! Может быть, это ошибка! Это просто похожий ребёнок! Чей угодно! Но не мой, пусть помирают хоть пачками, только верните мне моего Эдика, живым и здоровым!

– Ошибки быть не могло: в кармане брюк был найден читательский билет на имя Анискова Эдуарда Григорьевича, – не стала я возражать, к тому же, проводить опознание всё равно было положено по протоколу. – Но вы можете проследовать со мной в морг и провести процедуру опознания. Только с кем вы оставите дочь?

– Что случилось? – замерев на пороге, черноволосый мужчина, глядел то на меня, то на рыдающую женщину.

– Эдик мёртв! – с горечью завывала та и зашлась в новом приступе рыданий. – Они... Они не смогли его спасти!

– Этого не может быть... – вмиг побледнел мужчина и прижал к себе супругу.

Из квартиры мы выходили уже небольшой толпой. Дочку, убитые горем родители отдали соседке, которая сердобольно попыталась выпросить что же произошло. Но я лишь грозно рыкнула, что это тайна следствия. Хотя, какая к чертям тайна, в утренней газете уже и так обо всем рассказали. До обшарпанного серого здания добрались на служебной машине. Медсестра крикнула дежурного и нас сопроводили в холодильник. Увидев в морге тело сына, родственники едва не потеряли сознание. Я понимала, что для родителей это тяжело и больно, но таков порядок, а моя задача, отыскать того урода, кто это совершил!

– Да, это наш сын, – тихо сказал убитый горем отец. – Почему вы не ищите этого душегуба?! Почему позволили ему убить нашего мальчика?! Чтобы вас всех на фарш перекрутило! Никакого толку, только гордо тыкаете во всех своими корочками. Тьфу! Пошли, говорил же от них никакого проку, могут только штаны просиживать, да водку глушить.

– Не обращай внимания, сами сперва заявления не пишут, сигналы не подают, а как убили, так сразу наши все виноваты, – судмедэксперт закрыл лицо трупа белой простыней и отвёл мрачный взгляд от удаляющихся спин родителей. – Я тут каждый день таких вижу. Скоро привыкнешь и тоже перестанешь обращать внимания на идиотов. Это не лечится.

Я лишь тяжело вздохнула и согласилась с его словами. К сожалению, тут уже ничего не поделаешь. События разворачивались таким образом, что я не успевала за ними. Точнее, на меня просто скинули дело, которое могло утянуть за собой всё управление и пустить под откос жизни нескольких сотен милиционеров. А так начальник использует меня, как козла отпущения и все остальные смогут дальше мирно и спокойно жить. Тот факт, что я осознавала это, не делал мне легче и проще. Хотелось выть и биться головой о стену.

В ходе следственных мероприятий стало известно, что ночью Эдик сбежал к приятелям, которые как раз жили по другую сторону кладбища. Но о их существовании ни мать, ни отец были не в курсе. С ними, жертва познакомилась в том самом пионерском лагере, в котором отдыхала год назад. Мальчишки планировали всю ночь лазать по заброшенным чердакам ближайших домов в поисках призраков и прочей мистической дряни, которая так охотна лилась из телевизоров на неокрепшие умы детей. Усталость дала о себе знать, и юные искатели при-

ключений расстались на рассвете, точного времени никто из детей не запомнил, что осложнила и без того непростую ситуацию, в которой находилось следствие.

Эдик пошёл через кладбище, решив, что в столь поздний час, никому будет не нужен и зритель не заругает. Поскольку это был самый близкий путь и таким образом врезалось прилично пешего маршрута. Но, несчастный ребёнок поплатился, за сотню другую лишних шагов, собственной жизнью, что меня не радовало. Через несколько часов кропотливых поисков и выстраивания версий, я отложила папку с документами и решила заглянуть в лабораторию. Может хотя бы там порадуют чем-то новеньким.

– Привет, – опустившись на стул, напряжённо спросила я. – Что там у нас?

– Смерть наступила между тремя и четырьмя часами ночи, – меланхолично отозвался мужчина, не отрываясь от составления отчёта. – Ему вскрыли артерии, причём сделали это с хирургической точностью. Никаких отклонений, всё точно так же, как и у прошлых четырёх жертв. Ни одной капли крови в организме не осталось.

– С какой целью они выкачивают кровь? – удивлённо вскинула я бровь, смотря на криминалиста практически не мигая.

– Это мне и самому интересно, – угол тонких губ дрогнул. – Для чего это могло понадобиться убийце – загадка. Но если сможешь ответить на такой вопрос, твоё дело сто процентов занесут во все учебники для будущих милиционеров. Но, что-то мне подсказывает, что дальше всяка ты не уедешь. Тут бы и твой знаменитый тёзка из Москвы не разобрался бы, что уж говорить про зелёную девчонку, только после школы.

– Похоже, мы имеем дело с каким-то психопатом, – нервно дёрнувшись, произнесла я. – Но, если честно, мне кажется, ответ где-то близко. Мы просто его не видим. А он дразнит и в руки не даётся.

– Наверное, – пробормотал тот, успокоившись, и поднял глаза. – Но у нас не так много времени, как хотелось бы и играть в угадайку не пристало.

– А какая у него группа крови? – выйдя из странного оцепенения, спросила я наконец-то.

– Первая группа, – тут же отозвался криминалист. – Резус положительный. Весьма странно, что его не было в базе, но на всякий случай перепроверь медицинские карты остальных. На кровавый след в этом деле пока никто не обращал внимания.

– Спасибо за информацию! – медленно поднявшись, я ещё раз внимательно посмотрела на документы. – Буду ждать заключение и уже потом делать догадки и строить планы.

И что в итоге получалось? Есть трупы и горем убитые родители. Переполошенная общественность и КГБ желающее хоть кого-то растерзать на потеху толпе. Также есть странности, носящие какой-то оккультный характер. Из шеи жертв выкачивали кровь, да ещё и орудие использовали то ли ритуальное, то ли просто старинное. Зачем и почему? Было непонятно. Было слишком много темных пятен в этом деле. И при этом не было совершенно никаких улик. Ни свидетелей... Ни зацепок... Ни ДНК... Вообще ничего... Словно убийства совершал призрак.

Едва переставляя гудящие ноги, я ввалилась домой, принялась отчаянно оттирать руки мылом и перекисью водорода. Мне казалось это нехитрое действие поможет избавиться от нервного напряжения, скопившегося в кончиках пальцев. Но как бы сильно я не намыливала их снова и снова... Ничего не происходило. Грудь продолжало стягивать узлом паники и нервов. Когда желание содрать с себя шкуру немного притупилось, я истерично рассмеялась и сползла спиной по двери ванной. В это мгновение раздался стук в дверь и едва не взвизгнув, я двинулась открывать. Этот майский денёк, похоже решил окончательно свести меня с ума.

Но нет... Он просто оказался слишком щедрым на события всех мастей, от которых непременно щемило сердце и хотелось пойти и утопиться. На пороге моей ленинградской квартиры стояла рыжеволосая перепуганная девица с блестящими от слез зелёными глазами. Слегка осунувшиеся лицо и потухшие очи, она сделала шаг вперёд и заключила меня в объё-

тия, немедленно начиная поливать мою шею слезами. Я же обняла её чуть заторможено, ощущая острую боль в сердце, смешавшуюся с радостью и печалью.

– Я не помешаю? – тихо спросила Олеся, шмыгая носом и протискиваясь бочком в квартиру.

– Нет, конечно, – покачала я головой. – Проходи, что с тобой приключилось? Ты же хотела уехать с Жоржем в Англию. Даже документы собрала.

Закрыв за собой дверь, я с замиранием сердца наблюдала за тем, как подруга сбросила кожаный плащ прямо на пол и разрыдалась от отчаяния. В ней, всегда такой наглой и самоуверенной в это мгновение словно что-то сломалось. Она дала слабинку и это пугало даже больше, чем пять трупов, висящих на моей шее. На ней было дорогое платье из иностранного материала и сапоги выше колен на изящной шпильке. Весь её образ никак не сочетался с квартирой простого милиционера. Так что я постаралась все же взять себя в руки и понять, какие силы заставили Леську так сильно понервничать.

– И все же, что с тобой приключилось? – не удержавшись, поинтересовалась я.

– Он меня бросил, – выпрямившись, произнесла Олеся. – Испугался допроса КГБ и просто бросил. Уехал к себе, а я осталась одна без денег, жилья, посередине аэропорта и даже не знала к кому обратиться. Стояла, как дура и смотрела на табло вылетов. «Москва-Лондон»... И моя жизнь оборвалась вместе с надписью «вылетел по расписанию».

– У меня есть жареная картошка, идём на кухню, – через несколько минут пробормотала я, и потащила девушку есть подогретую картошку и солёные огурцы, переданные бабушкой, ещё в Москве.

– Что стало с матерью? – спросила она, активно жуя. – Не возмущалась тем, что ты переехала в Ленинград?

– Нет, – покачала я головой. – Всё же, это мой выбор, и я хотела нести за него ответственность. Отец смирился и даже начал проникаться моей угрюмостью. Тем, что я сама добиваюсь всего и не полагаюсь на него.

– Знаешь, сейчас я сижу смотрю на тебя и не понимаю, зачем тебе всё это... – дирижируя вилкой, протянула Олеся. – У тебя же было всё, о чем только можно мечтать. А ты прозябаешь тут и делаешь вид, что так и надо.

– Я сама захотела таких перемен и просто пытаюсь идти к поставленной цели, это не зависит от того, что я переехала в северную столицу или попыталась разорвать все связи с прошлым, – искренне призналась я, внимательно рассматривая лицо подруги. – Честно говоря, я даже рада, что тут меня не преследуют журналисты и тени прошлого. Так спокойно и хорошо. Я могу полностью погрузиться в работу и трудиться на благо общества.

– А ты чем занимаешься? – отложив вилку, она с интересом впилась в меня взглядом. – Ты никогда не говорила о том, что хочешь в будущем.

– Потому что ты вечно трещала только о себе и никогда меня не слушала, – хмыкнув, укоризненно посмотрела на неё. – Я младший лейтенант милиции и сейчас расследую очень важное дело, о котором даже в газетах писали.

– Ого! – удивлённо протянула собеседница и закурила вонючую сигаретку.

– У меня не курят, – тихо хмыкнула я. – На будущее запомни, если хочешь тут остаться. Ненавижу эту вонь, особенно от той дряни, которая у тебя сейчас в руках.

– Ой, не развалишься, – глядя сквозь меня, задумчиво произнесла девица и жадно затянулся, тут же выпуская густой дым носом. – У меня судьба на части разваливается, а ей жалко одной сигареты. Словно тут концлагерь какой-то при ГУЛАГе, а не обычная квартира. Послушай, это даже хорошо, что ты в милиции работаешь, сможешь помочь и попросить, чтобы меня из страны выпустили без проверок. Я к своему хочу, люблю его так, что готова с моста скинуться, если рядом с ним не дозволено быть.

– Олесь, перестань пожалуйста давить на жалость, – покачала я головой. – Я не всеильный бог и не отец, я не могу просто ударить по столу и приказать тебя выпустить. Что уж там, я даже в собственной жизни разобратся не в состоянии, а ты говоришь про что-то больше.

– Ты о чем? – она удивлённо покосилась на меня. – Ты же Петрова! Перед тобой тут все должны на цыпочках бегать и бояться лишний раз обидеть.

– Тут я никто для всех, просто однофамилец, которому повезло пролезть в милицию, мало что ли Петровых во всем мире, – усмехнулась я. – Так что никто не знает, что я дочь того самого, о котором все газеты судачат. Олесь, пошли спать, утра вечера мудренее. А мне ещё на службу, дело реально тяжёлое. Как бы ночью не подняли. Наш маньяк только по глухим сумеркам и работает. Ему закон не писан.

– И ты на самом деле, даже не хочешь получить из этого хоть какую-то выгоду? – она смотрела на меня с недоверием. – Да любая другая на твоём месте, нашла бы себе кого из партийных руководителей, или сына знаменитого Алексеевского к рукам прибрала. Так нет же, в милицию подалась. Дура ты!

– Поверь, не всё в нашей жизни измеряется мужиками и деньгами, – звонко фыркнула я. – Иногда простое человеческое счастье в мелочах. В тёплом завтраке, в мягкой постели, в любящем человеке. И не надо думать, что бриллианты и хрустящие бумажки тебе это заменят. Так что пошли спать. А потом посмотрим, что вообще можно со всем этим сделать. Мне знаешь ли, в скором времени то же предстоит с КГБ тесно пообщаться. И меня подобного рода перспектива пугает до нервной дрожи в коленях.

– Знаешь, ты всегда можешь прикрыться папочкой, – бросила словно между делом подруга. – И никто тебя не тронет. Это хорошо рассуждать, когда есть кому в жилетку поплакаться. Тебе двадцать один, а ты уже младший лейтенант, извини меня, но так можно только по благу. Так что не вешай мне лапшу на уши.

– Я не стараюсь тебя переубедить и вообще, Олесь, это ты ко мне заявила вечером и пытаешься закатывать истерики, – фыркнула я. – Что-то не нравится, можешь прямо сейчас уезжать обратно, на ночную электричку ещё успеваешь. Я в няньки тебе не нанималась. Мне завтра на службу, а не до обеда спать.

– Ладно прости, я немного погорячилась, – тут же пошла она на попятную. – День сегодня выдался тяжёлым и нервным. Мы обе устали. Ты права, лучше сейчас поспать, а завтра со свежей головы решить, как поступать дальше.

– Можешь спать в зале, матрас на балконе, – кивнула я ей. – Но, чтобы никакого шума и больше ни одной сигареты. Я не переношу эту вонь. Хочешь курить, выходи на лестничную клетку.

– Ладно-ладно, поняла, – подняла она руки вверх. – Давай, ты там не перетруждайся, а то вместо принца, наткнёшься на какого-нибудь проходимца, который поймёт, что ты та самая Петрова и захочет этим воспользоваться.

– Не каркай! – рыкнула я на неё.

– Всё. Завтра будет день, и завтра мы поговорим о наболевшем, – кивнула Олесь и ушла готовить себе место для отдыха.

– Сумасшедшая, – протянула я ей в спину и тоже ушла готовиться ко сну.

Ночью, ворочаясь с боку на бок, я никак не могла понять, что же не так. Почему моя интуиция продолжала вопить о неправильности всего происходящего. Словно ко мне из ночного полумрака медленно подбирались когтистые лапы. Они стискивали горло в мертвецком захвате и бездонными глазами покойника смотрели в самую душу. То ли я уже окончательно рехнулась, то ли это ответственность за нераскрытые дела легла на плечи. Но я не могла даже помыслить о том, чтобы всё бросить. Было страшно, жутко и хотелось бежать без оглядки... Вот только я решила, что доведу это до точки, а преступника до расстрельной статьи! Ибо я – Петрова!

Глава 2. Поперечины

Утро началось с того, что я, едва передвигая ноги, выползла на кухню. Осмотрев оставленный с вечера беспорядок, вымыла посуду, и даже не позавтракав помчалась в отделение. Опаздывать не хотелось. Дело и так было тяжёлым, а тут ещё давили со всех сторон. Да и неожиданный визит школьной подруги вызывал вопросы. Или это моя паранойя в очередной раз разыгралась? Скорее всего последнее, ибо никаких реальных угроз или предпосылок к ним не было. Напротив, я была самой обсуждаемой персоной в этом месяце.

Дежурный перебирал поступившие за ночь заявления и тяжело вздыхал. Парень он был толковым, но слишком скромным и даже местами робким. Завидев меня, поднялся из-за стола и поведал о том, что я и так предполагала. Свидетелей у нас как таковых не было. Сторож накануне напился в щи и не ведал, что происходило у него на участке, хотя в таком состоянии он лешего от бомжа не отличил бы. Бухал мужик, не просыхая, от такого толку никакого, только лишняя головная боль, разбираться, где пьяный бред, а где реальные сведения.

Не успела я снять свой весенний плащ, как зазвонил телефон на моем рабочем столе. Удивлённо посмотрев на аппарат, я все же подняла трубку и приготовилась к разносу от шефа. Но голос, раздавшийся в динамике, принадлежал далеко не нашему начальнику. Вжав несчастную трубку в ухо, я молча выслушала дежурного оперативника и поняла, что пальцы на руках свело нервной судорогой. Вернув её на место, встревоженно посмотрела на скучающего толика и тряхнула головой. Нельзя раскисать, каждый из них мечтает, чтобы я провалилась и освободила занимаемое место. Не дождутся!

– Новый труп? – ехидно вскинул бровь мой коллега.

– Да, – кивнула я головой. – Тот же почерк. Только теперь практически в самом центре города. Фонтанка проснулась от истошных воплей несчастного дворника, обнаружившего тело в мусорных баках.

– Не повезло тебе, – хохотнул собеседник. – Ну, желаю тебе продержаться до приезда КГБ и не натворить ещё больше бедовых выходов, а то твои прогулки по кладбищу в пиджаке эксперта уже стали достоянием общественности. На первых полосах всех утрешних газет. Ты Петрова поаккуратнее, а то опозоришь не только себя, но и все имена честных следаков.

– Иди к чёрту! – рявкнула я и вылетела за дверь.

Вязин заржал мне вслед, а я, быстро тряхнув головой, бросилась вниз по лестнице. Мне срочно надо проветриться. В голове стоял настоящий кавардак.словно я в одиночку пыталась биться головой о закрытую дверь. Ключик-то вот он висит, но до него ещё допрыгнуть надо, а такой трюк повернуть очень непросто. Особенно если не понимаешь, с какого конца тянуть за клубок. Да и нормально изучить материалы мне не удалось. Для этого надо сесть и закопаться в них, а я носилась по городу, как заведённая и пыталась успокоить родителей, сделать вид, что милиция работает и вообще, мы защитим этот город от врагов! И всё это на глазах журналистов.

Если слух о дерзких убийствах разойдётся на весь СССР, то нашему отделу точно не сносить головы. Мало того, что это подорвало бы веру народа в милицию, так ещё и накануне Олимпиады. За такое расстрел полагался. СМИ проходили жесточайшую цензуру, потому рассказать о появившемся злодее обычным гражданам было запрещено, но эти ушлые людишки, всё равно находили способ, как вставить палки в нашу работу. Так что несмотря ни на что действовать нужно было очень быстро, эффективно и скрытно. А времени уже упущено столько, что я не удивилась бы узрев КГБ-шника на своём пороге с расстрельным приговором. И ни один отец, меня бы не спас от столь печальной участи.

Не зря же на каждом практическом занятии нам повторяли: «Маньяки и убийцы – головная боль буржуазного Запада, а в Советском Союзе их быть не должно». Работать нужно так, чтобы ни одна живая душа не могла прознать про сложности и трудности, с которыми мы постоянно сталкивались. Советский милиционер – образцово показательный гражданин с идеальной военной выправкой, отзывчивый, сострадающий и останавливающий злодеяния прямо на подходе. И с этим тоже приходилось мириться. Ибо другого портрета нам не давали. На практике же оказалось, что милиционеру до этого образа, ой как далеко!

Я прекрасно понимала, что начальство будет давить и сваливать на меня все косяки предыдущих следаков. Они упустили столько возможностей, а отвечать за это предстояло лишь мне одной. Несправедливо... Но такова жизнь, косяки вешают на самых незащитных, кто не в состоянии дать отпор и постоять за себя. Мне кровь из носа нужны были хоть какие-то результаты. И как можно скорее... Одно дело – стычка с хулиганами и поножовщина за дорогие цацки, и совсем другое – серийный маньяк, ещё и работающий по детям.

Полуденное солнце стояло в зените и ярко отражалось в оконных стёклах, отбрасывая жутковатые тени и не позволяя рассмотреть все место преступления разом. Мариинский проезд будто бы пылал охваченный суматошным пожаром. Всё яркое, режущее глаз и словно искусственное. Казалось, столь дивный день не должен приносить с собой ничего дурного, но я вместе с криминалистами уже спускалась к мусорным бакам и не ждала ничего нового. Кругом густо стояли дома, а одинокие старушки на лавочках уже сбились в кучку, обсуждая, что же тут произошло. Место хоть и не безлюдное, но идеальное для убийства. Глухой двор, колодезного типа, никакой милиции в округе и вряд ли бы кто-нибудь из соседей выбежал бы на крики.

– Видимо, у нашего упыря настоящая ломка, он даже не дождался ночи, – прошептал криминалист, присаживаясь на корточки рядом с телом. – Если судить по степени окоченения, то её убили около девяти вечера. Но в этот раз, девчонка пыталась сопротивляться. Вырвано половина волос. Скорее всего она пыталась отбиться, а он со всей дури выдернул у неё всю косу разом. Могу сказать, что от болевого шока она и сердечный приступ могла поймать. И я не представляю, какой силищей надо обладать, чтобы вырвать у ребёнка косу. На задержание такого уroda, я бы тебе посоветовал не просто опергруппу взять, но и поддержки попросить. Одна ты с ним точно не справишься. Тут мужику-то тяжело будет, но то, что зелёной девице, едва закончившей школу милиции и пришедшей в уголовный розыск.

Новой жертвой оказалась девочка лет двенадцати на вид. На ней было жёлтое платье в крупный белый цветочек. Светлые волосы были заплетены в две косички и одна из них отсутствовала, как и сказал эксперт, выдернута с корнем, словно никогда и не росла на голове. Жертва лежала на спине с широко распахнутыми голубыми глазами. На шее и груди расплозалось кровавое пятно, а две неизменные полосы шли все в том же направлении. Сомнений не оставалось, это наш маньяк. Вряд ли бы подражатель успел раздобыть схожее оружие, за такой короткий отрезок времени. Мы его в базе не смогли найти, что уж говорить про посторонних.

Пошарив по карманам девочки, криминалист обнаружил ключ от квартиры и платок с вышитой на нем фамилией. Скворцова Таня. Судорожно сглотнув, я постаралась отрешиться от всего происходящего. В первую очередь, я милиционер и обязана найти того, кто это совершил. А уже потом, переживать и наматывать сопли на кулак. Сегодня очередное испытание, последняя попытка найти маньяка до того, как в город пожалует представитель КГБ. Я готова была всем богам молиться, чтобы этот день ещё отсрочили. Пусть я в них и не верила, но ради такого, готова была во всё что только можно уверовать.

Пока мы стояли подле трупа и пытались понять, как она связана с пятью убитыми до этого мальчишками, участковые уже начали опрос свидетелей и тех самых бабушек, сбившихся около лавочек. Опять никаких следов и улик на месте преступления. Полное отсутствие свидетелей. И обескровленный труп... Распорядившись о допросе жильцов ближайших домов,

я подошла к пожилой женщине, которая обнаружила тело. Та выглядела неважно, но всё же согласилась продолжить диалог уже со мной.

– Живёт недалеко: на Фруктовой, дом пять, – тихо произнесла та, кутаясь в платок. – Танечка была хорошей девочкой, всегда ходила вместе с моей Людочкой. Ей же всего десять... Как же так... Какой супостат мог такое сотворить, на ребёнка руку поднять. Неужто перед богом не страшно представать.

– Главное, чтобы перед судом было страшно, – записав все в блокнот, я поплотнее закуталась в плащ. – У нас только он решает, кому и как жить. А за это поплатится, милиция всё равно отыщет, куда бы не спрятался. Как вы вообще нашли тело?

– Я всегда хожу этой дорогой, когда домой возвращаюсь, – лепетала перепуганная гражданка. – Вдруг вижу: лежит что-то большое в темноте. Подумала, кто из соседей ковёр выкинул, а что добру пропадать, для мужа в гараж, всё сгодится. Я приблизилась, думала, может, пока никто не заметил, домой унесу, не далеко. Утром-то тут темень стоит, я и подумала, что ковёр. А тут она... Мёртвая! Глаза голубые-голубые, стеклянные, что та чешская ваза, которую мне дочка из Уссурийска привезла. Я смекнула, что не от сердечного приступа померла и тут же побежала к большому проспекту, там и наткнулась на милиционера. Рассказала ему всё, а он уже вас вызвал. Ну, вот, собственно, и всё. Теперь сами видите, что произошло. Кто же знал... Кто же знал...

– С какой стороны вы обычно ходите? – продолжала допрос, несмотря на то что вокруг нас уже начали толпиться люди. – Постарайтесь вспомнить все детали, которые предшествовали обнаружению тела.

– Так, я с соседнего двора иду, я уборщицей работаю в продуктовом, – кивнула та, – а по вечерам за сторожа в детском садике. Вот со смены и возвращалась. Когда полы шла мыть, тут ещё ничего не лежало. Потому и заинтересовалась, кому же ковёр приспичило в ночь-то выкидывать.

– Вы видели кого-нибудь, когда свернули сюда с центральной улицы? – продолжала записывать я слова женщины. – Или подозрительных личностей, которые по ночам тут блуждали? Хотя бы примерный портрет человека, который никогда тут не появлялся?

– Нет, никого, – отрицательно помотала головой женщина, руша последние перспективы на свидетельские показания. – Я просто особого внимания не обратила на людей, шедших мне на встречу. К тому же, мало ли кто в семь утра на работу спешил. У нас район хоть и близкий к центру, но все в основном на заводах за городом трудятся. Потому, на прохожих-то и не смотришь. У них свои дела, у меня свои.

– Неподальёку от убитой кто-нибудь был? – предприняла я очередную попытку, ухватить удачу за хвост. – Может быть, мелькнул среди дворовых построек или в арках? Наблюдая за вашими действиями? Или в окнах подъездов мелькал силуэт?

– Нет, – в очередной раз потрясла та головой, в отрицательном жесте. – Тут довольно безлюдное место даже днём. Сколько лет хожу этой дорогой, редко встречаю тех, кому действительно есть дело до нашей помойки. Даже бомжи и те предпочитают места позажиточнее. Потому, никого подозрительного припомнить не могу. Даже соседей и то на улице не было. Из-за того, что раннее утро, ещё и день рабочий.

Поблагодарив единственного свидетеля, который всё равно ничего не дал, я пошла по адресу, который мне указала старушка. Никогда бы не подумала, что вот так, в груди все могло обрываться только из-за странного предчувствия. Дверь мне открыл черноволосый мужчина лет пятидесяти. Завидев представителя закона, он взволнованно втянул в себя воздух и пошатнувшись прошёл обратно в комнату. Ничего не говоря, я проследовала за ним, убирая удостоверение в карман плаща, стараясь не думать о том, что в очередной раз придётся сообщить родителям покойного ребёнка, новости, от которых у самой в желудке все комом вставало.

– У вас что-то срочное? – он накапал капли из флакончика с корвалолом. – Наша Танечка, она пропала, если у нас не очень важные новости, прошу, давайте побыстрее, я всё жду, когда она вернётся.

– Добрый день, – ещё раз прокашлявшись сказала я. – Младший лейтенант уголовного розыска Петрова Анна Николаевна. Вы отец Татьяны Скворцовой?

– Да, – заторможено посмотрел он на меня. – Она моя дочь. А в чём дело? Почему уголовный розыск интересуется моей Танюшенькой?

– Мне тяжело об этом говорить, но тело вашей дочери сегодня утром обнаружили на территории Мариинского проезда, – медленно выдохнула я, стараясь придать голосу учтивости, но твёрдости. – Здесь неподалёку, где помойки. Она была убита. Сейчас, мне нужны ваши подробные показания о событиях вчерашнего вечера, это поможет скорее найти убийцу и остановить того, кто посмел совершить такое вопиющее преступление. Надеюсь, господин Скворцов, вы готовы дать показания?

– Это моя вина, – побледнев до мелового цвета, прошептал отец девочки. – Не надо было ввязываться во всё это.

– Что вы имеете в виду? – насторожившись, я попыталась ухватить самую суть происходящего. – У вас были какие-то сторонние конфликты, и вы можете рассказать следствию, кто вам угрожал и по какой причине могли отомстить столь зверским образом?

– Недавно я поругался с очень опасным человеком, – еле шевеля губами, ответил убитый горем отец, глядя перед собой. – Он обещал отомстить мне за то, что по моей вине не успели завершить работы и всё полетело под откос. Смена... Я не должен был зариться на такие лёгкие деньги. А теперь по моей вине... Нет...

– Кто этот человек? – я вцепилась в эту версию, как утопающий в спасательный круг. – Не тяните, пока у нас есть шанс схватить его по горячим следам, он не уйдёт от наказания. Только ради всего, не молчите и объясните, кого нам надо взять!

– Ломоносов Станислав Фёдорович, начальник смены на заводе «Красное Знамя», – тихо ответил тот и простонал. – Мы с ним были дружны ещё с прошлой работы, когда он был моим бригадиром. Неделю назад у нас была большая запара на заводе, требовалось работать в три смены, нарушая технику безопасности. Но другого варианта не было, мы бы не успели закончить государственный заказ, а Олимпиада уже на носу. Нас бы всех в Сибирь сослали, лес валить, если бы не успели. Но, мы, в тайне от всех, провернули кое-какие махинации с пропусками и уложились. Стас нам денег даже приплатил за сверхурочные, а потом организовал небольшой сабантуй, в нашей заводской столовке. Девки у нас добрые, никогда не откажут стол накрыть, а тут ещё и такой повод. Во время застолья случилось странное... Стас увидел у меня старинный серебряный портсигар, он мне от деда достался. Когда те немцев под Берлином брали в плен, он у одного офицера его на жизнь выменял. Так вот, мой начальник, совершенно неожиданно попросил, чтобы я продал ему эту приметную вещицу. Но я не смог этого сделать, портсигар достался мне от деда и передаётся из поколения в поколение, как семейная реликвия, не имеющая цены. Это напоминание о том, как велик и могуч советский солдат, что подвиг его на века останется в истории. А эта вещица, она напоминает о том, что наша семья тоже много чего вложила в это. Мой отказ очень разозлил Ломоносова. И тогда, прямо на глазах у половины смены разругались в пух и прах. Ребята с завода могут подтвердить. Водки мы тогда уже на грудь приняли, но каждый скажет, что было. В конце разговора Станислав пообещал, что больше не хочет меня знать и что я пожалею о своём отказе. Он ещё в сердцах добавил, что коли он из крови заработан, то кровью и умоется. Мужики ещё пальцами у висков покрутили. А теперь... Теперь моя Танечка, из-за этого портсигара, больше никогда не вернётся домой. Я ничтожный отец... Я не заслуживаю жить...

– Он говорил, зачем ему понадобилась столь обыденная и неприметная вещица? – версия потихоньку начала вырисовываться в моей голове. – Может быть это связано с фашизмом или

с самой война? Какие причины он называл, для столь бурной реакции? Возможно, это именно то, чего нам не хватало для полноценной версии. Прошу вас, припомните.

– Нет, ничего такого он не говорил, – покачал головой расстроенный мужчина. – Он только сказал, что любые деньги готов заплатить, а я повёл себя ни как друг, а как свинья.

– Какие отношения стали после ссоры? – я внимательно смотрела на мужчину. – Изменилось ли что-то в его поведение или он стал больше к вам придирается? Какие признаки агрессии он проявлял по отношению к вам? И были ли свидетели у продолжения этой истории? Или все закончилось там же в столовой?

– Ничего не было, он просто перестал со мной общаться, – крикнул отец убитой девочки. – Мужики ещё удивились, как столь крепкая дружба могла развалиться из-за обычного портсигара. В нем же даже ценного ничего нет. Ну серебро, ну какая там цена? Три рубля? Для завода у нас это не так уж и много. Все же мы на госзаказах трудимся. У нас имидж и известность на всю страну. Мужики с высшими разрядами работают, герои труда и передовицы. Чтобы из-за такой ерунды бросаться в омут с головой.

– Почему вы предположили, что именно он мог отомстить вам подобным образом и лишить жизни вашу дочь? – что-то в этой версии мне не нравилось. – Были ли какие-то предпосылки к тому, что ваш начальник мог бы расправиться с беззащитным ребёнком, ещё и столь варварским способом? Он хорош в охоте или владеет какими-то медицинскими навыками?

– Он очень мстителен по натуре, – утерев нос рукой, ответил мужчина. – Постоянно, грозился кому-нибудь вставить палки в колёса, если поступали не так как он хотел. У нас весь завод знал, что от него добра не нужно искать.

– Неужто были прецеденты, которые позволяют вам делать такие выводы? – я внимательно смотрела на своего собеседника и пыталась понять врёт он или просто это бред убитого горем отца, который пытался хоть как-то облегчить себе жизнь.

– Нет, – затряс тот головой. – Наверное Стас за всю жизнь даже комара не убил. Но у него есть мотив: в тот вечер мы наговорили друг другу гадостей, и он обещал, что я пожалею, очень сильно пожалею о том, что отказался продать ему портсигар. Кому ещё могло понадобиться убивать мою дочку? Она же никогда ни с кем не ссорилась, и даже из лагеря в прошлом году с наградами вернулась.

– Я могу увидеть портсигар? – решила я зайти с другого бока. – Возможно, он предполагал какую-то ценность или что-то историческое.

– Да, конечно, секунду, – медленно поднявшись, мужчина скрылся в смежной комнате, и спустя мгновение вернулся оттуда с прямоугольным предметом.

– Это и есть предмет спора? – я взяла семейную реликвию и покрутила её.

– Да, – кивнул мне собеседник.

– Во сколько ваша дочь ушла из дома? – я постаралась адекватно оценить вещицу в руках.

– Минут за тридцать до школы, она хотела прогуляться с подружками, – вытерев тыльной стороной ладони, мокрые глаза, отец убитой, посмотрел на меня. – Я и не знал, что вчера утром видел её в последний раз.

Ничего необычного, в этих словах не было. Но, должно быть хоть что-то, за что я могла уцепиться. Очередная версия разваливалась на глазах. Старый портсигар, ну ни каким образом не тянул на вещь, ради которой могли бы убить ребёнка. Да и у других жертв никаких связей с заводом или Ломоносовым не выявлялось. Такое бы сразу обнаружили и взяли бы в разработку. Покрутив в пальцах вещицу, я обнаружила на обратной стороне виднелась красиво выгравированная надпись: «Zindhin.R.». Вряд ли это что-то значило. Вернув портсигар хозяину, я попросила показать комнату убитой девочки.

Но и там меня ждал полный провал. Ничего цепляющего взор или вызывающего интерес я не обнаружила. Внимательно изучив небольшую комнату, принадлежащую Тане, я нашла лишь пустоту и обречённость. Единственная версия, которая выстроилась со слов отца покой-

ной, не выдержала бы ни одной проверки. Я и сама это прекрасно понимала, но все же, на всякий случай взяла адрес Ломоносова, и решила первым делом поехать по нему. К тому же, пока будет происходить опознание и заполнение протоколов, я смогу скоротать время и навестить первого, серьёзного подозреваемого.

Выйдя из подъезда, я улыбнулась дежурившим рядом участковым и уже собралась сесть в служебную машину, как позади раздался пронзительный женский вой. Мы с парнями присели и резко обернулись. На асфальте перед домом расплывалось кровавое пятно, а человек, с которым я говорила всего несколько мгновений назад, смотрел на мир остекленевшими глазами. Прикрыв рот рукой, я отпрянула и постаралась дышать ровне.

– Ну, вот и всё, нет у нас больше свидетеля, – прохрипела я. – Остались только его показания и подозрения.

– Езжайте, мы вызовем труповозку, – поёжились парни.

Согласно кивнув, я все же поспешила в престижный район северной столицы, где в четырёхкомнатной квартире проживал Станислав Ломоносов с прекрасным видом на канал и цветущими кустами сирени под окнами. Его жилище словно замерло в веках и хранило величие дореволюционной эпохи. Дорогая древесина, картины в тяжёлых и массивных рамах, лепнина на потолке, хрусталь в дубовых шкафах. Коричневые обои с золотыми вензелями и тяжёлые шторы из тёмно-синей гобеленовой ткани, которую так сильно обожала матушка. Прямо начальник на заводе, а зажиточный буржуй. Зачем такому убивать ребёнка?

– Чем обязан? – усаживаясь в кресло, поинтересовался подозреваемый, представший передо мной в образе пожилого мужчины с начитанными глазами и добродушной улыбкой. – Признаюсь честной, в мой дом ещё никогда не приходили представители закона, ещё и столь приятной наружности. Вы мне мою покойную красавицу доченьку напоминаете. Что же, милочка привело вас в мою скромную обитель? Не чай, какая беда приключилась и вас отправили на опрос свидетелей, так вроде бы кумушки на лавочках ни о чем таком не судачили с утра пораньше.

– Сегодня была убита Татьяна Скворцова, дочь вашего подчинённого, с которым у вас возник конфликт несколько дней назад, – обедев внимательным взглядом гостиную, я достала удостоверение и показала его ещё раз. – Уголовный розыск, младший лейтенант Петрова Анна Николаевна. И сейчас я тут, чтобы уточнить некоторые моменты в этом деле.

– Танечку убили? – замерев на миг, переспросил Станислав. – Как это произошло? Она же такая хорошая девочка была. Господи, что творится в этом мире.

– Ей нанесли ножевое ранение в области шеи и оставили замерзать на асфальте, около мусорных баков, – я внимательно наблюдала за реакцией собеседника в этот момент. – Тело было найдено неподалёку от её дома. Товарищ Скворцов утверждал, что между вами недавно произошла ссора из-за портсигара немецкого производства и вы обещали отомстить, не получив желаемую вещь, даже за весьма внушительную сумму денег, которая вряд ли бы была у простого работяги, трудящегося на заводе.

– Да, у нас возник конфликт из-за этой вещицы, – тихо сказал мужчина. – Но не хотите же вы повесить на меня убийство маленькой девочки, из-за такой ерунды? Да у нас сотни человек ежедневно ссорятся и говорят друг другу ещё более обидные слова. Прошу, поймите меня правильно, я бы не смог сотворить такого зверства.

– У вас есть алиби на сегодняшнюю ночь? – вопросительно приподняла я бровь. – Что вы делали с девяти вечера до полуночи? Кто может подтвердить ваше алиби и как хорошо вы ориентируетесь в городе?

– Я был здесь, мой сын может это подтвердить, – половицы заскрипели и после слов отца в комнату вошёл черноволосый мужчина с большим отличительным носом и несколько пугающим взглядом исподлобья. – Это может подтвердить ещё Нина Сергеевна, мы с ней как раз спорили о том, что невежливо в десятом часу смотреть новости, ещё и так громко.

– Мы с отцом весь день были дома, – произнёс он, поправляя манжет белоснежной рубашки. – Так ж папа парализован, пальцы левой руки у него до конца не сгибаются. Что-то, а убийцей он точно не является.

– Вы не станете отрицать, что угрожали Скворцову из-за портсигара? – с нажимом спросила я у Ломоносова-старшего.

– Я уже не вспомню, что наговорил в порыве чувств, – почесал тот подбородок. – Вреда своему другу я бы никогда не причинил, можете быть уверены, а с горяча, ещё и в сердцах, мог что-то ляпнуть, не отрицаю. Характер у меня вспыльчивый, не подарок. Но убивать, из-за немецкого проклятого портсигара, увольте милочка. Не там ищите, на меня свои проблемы вы не повесите.

– Зачем вам понадобился этот портсигар? – вопросительно приподняла я бровь.

– Это история нашей великой страны, – поднял он палец к потолку. – И она не имеет никакого отношения к убийству девочки. Просто есть вещи, которые называют проклятыми реликвиями. Моя жена занимается эзотерикой и просчитала, что эта серебряная вещица, не принесёт моему другу никакой пользы. Потому я и хотел её выкупить, чтобы затем передать музею, где она бы уже не смогла навредить людям. Ведь там она стала бы ничей. Вот и всё... Я просто хотел спасти его.

– Где сейчас ваш второй сын? – тяжело вздохнув, спросила я. – И номер квартиры соседки, с которой вы вчера ссорились.

– Да, конечно. Толенька в театре, – виновато улыбнулся старичок. – Он у меня знаменитый артист, даже в Москву ездил на гастроли. А Нина Сергеевна из шестой, как раз показывали сюжет о пожаре на Ленинградском спиртовом заводе, когда мы вели беседу о том, какая громкость приемлема в момент прослушивания новостей.

– В каком театре работает ваш сын? – потеряв виски пальцами, я устала вздохнула.

– Актёр не работает, актёр служит своей музе, – назидательно протянул мужчина. – В «Современнике».

– Если у меня появятся ещё вопросы, я вас вызову, – тряхнув головой я пошла на разговор к соседке.

Как я и предполагала, та подтвердила, что её сосед, любящий поскандалить, действительно в начале десятого ругался с ней из-за громкости телевизора и там как раз шёл сюжет о пожаре. Я покидала подъезд многоквартирного дома с тяжёлым сердцем. Оснований для обыска и уж тем более для задержания у меня не было. Что уж там, единственная пригодная версия развалилась на части ещё до того, как я представила её начальству. А ведь алиби у него и вправду надёжное. В таком состоянии, он бы не успел убить девочку.

Приехав в отдел, первым делом, я поставила чайник и, расположившись за рабочим столом, принялась внимательно перечитывать материалы дела и заключение криминалистов. Ничего нового они мне не дали, так что пришлось отправлять запрос в архив, чтобы подняли все папки с убийствами и первые четыре так же принесли мне. Возможно, имея на руках все материалы, я смогу чётче понять психологию убийцы, или найду ниточку, которая свяжет всех детей. Увлёкшись такими догадками и построением, теория, я не сразу поняла, что в кабинет вошёл начальник нашего подразделения.

– Выходит, у тебя появился первый подозреваемый на роль серийного маньяка... – опустившись на своё место, мрачно произнёс он.

– Семья Ломоносовых общалась с семьёй последней жертвы, – сняв очки, медленно протянула я. – Но пока не вижу никакой связи между ними и убитыми детьми. С остальными жертвами их вообще ничего не роднит. Слово я пытаюсь действительно пришить к делу хоть что-то, лишь бы отчитаться начальству, что оно сдвинулось с мёртвой точки. Старичок не похож на хладнокровного психопата, зарезавшего пятерых детей. Да и вырвать у последней жертвы косу, надо приложить кучу сил, а у него одна рука парализована.

– Он не показался тебе подозрительными? – усмехнулся майор. – Обычно такие старички и оказываются самыми отбитыми. Возможно, контузило на войне или просто уже помешался на своих-то годах. Всякое бывает...

– Богатая семейка, привыкшая к сытой жизни, – покачала я головой. – Возможно даже из вашего круга общения Константин Викторович. Я такой же костюм, как у старшего сына, на вас видела, три недели назад. Складывается впечатление, что они на особом счету, поскольку ничуть не стесняются роскоши в своём доме. Потому могу сделать вывод, что пачкать руки и нападать на маленького ребёнка они бы не стали. Наняли бы кого-нибудь или в крайнем случае, отняли бы этот портсигар силой. Нет... Что-то тут не так.

– Эдуард? – вопросительно скинул тот бровь. – Точно, у него же фамилия Ломоносов. Тогда действительно не складывается. Зачем сыну успешного партийного деятеля пачкать руки из-за портсигара. А Станислав так и вовсе, чудесный дедок. Пожалуй, твои подозрения верны, не там ищем, совершенно не там.

Потянувшись до хруста в позвоночнике, практически в десять вечера, я убрала документы и пошла домой. Попрощавшись с дежурным, я медленно брела по улице и гадала, что же будет дальше. Неизвестность страшила. Головой-то прекрасно понимала, что не может быть мгновенного ответа, но это не успокаивало. Прохладный весенний ветерок, немного проветрил мозги, но даже так, я не нашла вразумительного объяснения тому факту, что мы не могли найти никаких зацепок. Даже орудие убийства и то не определено. Шестая жертва, а зацепок ноль...

Стоило мне переступить порог квартиры, как из кухни вышла довольная жизнью Олеся, которая в перепачканном мукой фартуке, улыбалась так, словно её англичанин обратно вернулся. Сняв обувь и пальто, я прошла на кухню, где уже был накрыт шикарный стол. Денег она явно не пожалела, на зарплату простого сотрудника правоохранительных органов, такое точно не собрать. Что же такого произошло, что моя временная сожительница так расстаралась и даже забыла у меня поинтересоваться.

– Радость какая! – всплеснула руками девица. – Твой отец вернулся! В честь этого события я решила испечь пирог с вишней и так немножко на стол накрыть! Говорят, опять герой! Целую банду политактивистов накрыл. Так что давай на выходные в Москву съездим, ты с ним повидеешься.

– Свой фирменный пирог? – с энтузиазмом отозвалась я. – Это вкусно и хорошо.

– Мой руки и присаживайся за стол, он уже практически готов! – довольно заявила Олеся, заглядывая в духовку. – Расскажи пока как дело проходит, как расследование? А то я одних ужастиков от соседок наслушалась. Бррррр!

– В городе появился серийный убийца, – с тяжёлым вздохом, призналась я ей, – он выкачивает кровь у детей. Представляешь, всю до последней капли. А мы бегаем, как собаки за собственным хвостом и даже уцепиться не можем.

– Господи... – ужаснувшись, Леська покачала головой, внимательно разглядывая меня. – Вот сдался тебе этот уголовный розыск! Чтобы с такими психами дела иметь.

– Зачем ему может быть нужна кровь жертв? – изогнув бровь, спросила я, пропуская завывания девушки мимо ушей. – Пока что это загадка... Но я обязательно решу её и найду ответ. Ни за что не позволю этому уроду ходить по земле.

– Не переживай, я уверена, что ты очень скоро найдёшь подонка, – тихо произнесла подружка и достала румяный пирог. – Даже не сомневаюсь в этом. А пока, можем навестить твоих родных. Я уверена, твоему отцу будет приятно. Может и подскажет чего путного.

– Не могу я сейчас уехать, – пришлось вздохнуть и прикрыть глаза.

– Почему же? – удивилась Олеся.

– К нам едет КГБ, – сказала я и едва не рухнула лицом в пирог. – Я не могу покинуть Ленинград, чтобы не вызвать ещё больше подозрений.

– Аааа, – недовольно протянула та, но вопросы задавать перестала.

– Потому ждём, чем это всё закончится, – откусив румяный бок пирога, протянула я, ставя точку в этом глупом разговоре.

Глава 3. Надежда

После нескольких дней кропотливого труда, никаких весомых зацепок так и не обнаружилось. Радовали меня лишь два момента: КГБ-шник так и не пожаловал, маньяк на время успокоился. Новых жертв не было, и я спокойно разбирала дела первых четырёх жертв в нереалистичной попытке понять, что же вообще происходило в Ленинграде и почему именно в такой момент. Когда на носу «Олимпиада-80». Ибо кроме психопата-хирурга никаких других версий у следователей и у меня в том числе не было.

Кому вообще могла понадобиться откачка крови и что такого ценного было в этом ресурсе? Нет... Я слышала, что где-то в Иваново взяли двух хирургов, которые отлавливали на улице детей и пытались за их счёт спасти своего ребёнка, страдающего от неизлечимой болезни. Вот только вряд ли у нас всё на столько же просто и обыденно. Раны на шее не могло оставить ни одно известное нам оружие. А помимо их, никаких следов насильственного вмешательства обнаружено не было.

Стукнувшись головой о столешницу своего рабочего стола, я попыталась подобрать хоть какие-то варианты. Правда, все они были слишком кривыми и неправдоподобными. Детей не связывало вообще ничего. Они жили в разных районах, в разных семьях, в разных социальных уровнях. У кого-то были сестры и братья, кто-то оказался единственным. Словно маньяк выбирал по какой-то одному ему понятной логике и от меня требовалось эту самую логику доставать из-под земли, причём немедленно.

Вот только сделать это в сжатые сроки, ещё и не имея на руках полноценной картины всех преступлений я не могла. А некоторые материалы, просто испарились в процессе передачи папок из рук в руки сотню раз. Тут даже начальник убойного только развёл руками и сказал, что понятия не имеет, что с этим делать и что это действительно подозрительно. Но на основании этого утверждать, что у нас завёлся маньяк или кто-то кого-то прикрывает, было нельзя. Папки действительно столько раз передавались, что даже не удивительно, что в них сам чёрт теперь ногу сломит и не поймёт, где и что.

Опера у нас были не самыми ответственными людьми, и кто бы что не говорил, но вот так посеять протокол описи вещей, было вполне нормальным. Особенно если тех вещей одни ключи. Но что-то во всём этом не давало мне покоя. Словно за красивой мишурой, я теряла из виду что-то по истине ценное и важное. Правда, даже под страхом смерти, я не могла понять, что же именно было не так, и что меня смущало во всей истории с убитыми детьми, чью кровь фактически филигранно выцедили до последней капельки. Боже, помоги мне не свихнуться со всем этим!

Тяжело вздохнув, постаралась выкинуть из головы все лишние мысли и начать уже доказывать всем и каждому, что я не просто так, носила свои пагоны. Нет... Я верила, что кровь не вода и отцовский дар распутывать даже самые сложные дела, передался мне по наследству. По крайней мере, за это я ручалась. В школе милиции я была одной из лучших. Всегда идеальна, успешна и делала в первых рядах, даже самую сложную и неподъёмную работу. Так что в этот раз, предстояло на деле доказать всем и каждому, что мои учителя не ошиблись, выбрав меня и я не опозорю честь мундира.

Дверь неожиданно грохнула и злой, как стадо чертей, майор ввалился внутрь. На синей рубашке, отчётливо было видно кровавый след от ножевого. Я, немедленно бросив все бумажки, подлетела со стула и помогла ему добраться до кресла. Медленно поддерживая начальника, лихорадочно соображала, как поступить в такой ситуации. Но выбора мне не дали, просто пихнули в руки аптечку и приказали обработать рану. Пусть это не первый раз, когда

я видела кровь, но собственными руками прикоснуться к разорванной человеческой плоти, мне не доводилось.

Медленно, стараясь не причинять лишней боли, я протёрла место разреза спиртом и наложила несколько марлевых отрезков, пропитанных заживляющей мазью. После чего туго перебинтовала живот майора и постаралась не выказывать раздражения. Пока отмывала руки, думала о том, сколько кровищи с обычного пореза. Словно я не рану обрабатывала, а свежую свинину разделывала на маринование. По крайней мере, хуже было только в те моменты, когда в деревни у бабушки, приходилось едва померших кур потрошить, там ещё больше крови во все стороны летело. Как вообще из человека кровь можно выкачать? Да так, чтобы следов не осталось? Загадка века не иначе!

Константин достал из шкафчика припрятанную на такие случаи бутылку отменного деревенского самогона и плеснул крепкий напиток в два стакана. Я уже хотела возмутиться, но передумала. Ему и так сейчас нелегко, особенно с такой раной. Но и пить на работе, когда не сегодня, так завтра к нам приедет КГБ-шник, было затеей необоснованной. И всё же, приняв решение, я уселась рядом с майором и взяла один стакан в руки, медленно рассматривая грани в тусклом свете, настольной лампы.

– Знаешь, сейчас мне даже немного обидно, что в скором времени, ты нас покинешь, – протянул начальник, стучаясь своим стаканом о край моего. – До этого момента, я никогда не задумывался о подобного рода перспективах. Но ты реально подходишь этому месту больше, чем я. Будь у меня выбор никогда бы не пошёл в милицию. Так что тебе памятник надо ставить.

– Спасибо на добром слове, – хмыкнув, я все же залпом выпила свою порцию. – Но я пришла в милицию, потому что с детства горела этим. Хотела расследовать преступления, ловить преступников и знать, что моя деятельность приносит пользу. А теперь мы с вами, как два идиота смотрим в пустые стаканы и не понимаем, как дальше жить.

– Расскажи, как продвигается дело, – попросил начальник, вернув стакан на стол.

– Как? – я задумчиво покрутила свой в пальцах и тоже отставила в сторону. – Мне постоянно кажется, что я упускаю какую-то очень важную деталь. Что вот протяни руку и вся мозаика сложится в полноценную картину. Но то тут не хватает документов, то следователь ляпнул пятно от чая на самую важную деталь описи. Словно, кто-то целенаправленно не желает скорейшего развития этого дела. А от того не по себе. Но колобок сказал, что мне просто кажется и у нас в отделе не может быть предателя, саботирующего работу. Что такого уже давно бы вычислили и вывели на чистую воду.

– Я бы тоже сказал, что ты бредишь, наш коллектив не способен на такое, – мужчины чокнулись с бутылкой и опустошили стаканы. – Но пока, дело не сдвинулось с мёртвой точки, какой бы следак за него не брался. Это наводит меня на определённые мысли. Я бы даже сказал, заставляет верить в твою теорию с кротом. Вот только если она подтвердится, мы все пойдём под статью и поедем в Сибирь валить валежник. Ибо по головке за такие подвиги никого не поглядят. Это позор не только для органов, но и для каждого, кто допустил подобное.

– Но я не знаю, что теперь с этим делать, – чуть затуманенными глазами уставилась на майора. – Эта мысль не даёт мне покоя. И высказывать её на большой круг людей я не могу. А если поделюсь с отцом... Нет... Это будет самым дерьмовым решением из всех.

– Первые годы особенно тяжело, потом привыкаешь к таким неразрешимым дилемма, – сжав руки в кулаки, Костя недобро блеснул глазами. – Гоняли нас по всему Ленинграду, когда первое убийство произошло, думали, что это просто случайность. Ты к нам уже после третьего перевелась, а четвёртое, скорее всего слышала, но не запомнила. Так вот, к чему я... Справедливость и желание соответствовать книжному образу, быстро пропадает, когда ты далеко от столицы. Тут не рай на земле. И даже нашему отделу ещё везёт, те, которые за окраины отвечают. Короче, там баб не жалуют... Просто смотреть на это мерзко. И я очень рад, что не попал в них, а оказался тут, где самые сложные дела и рядом не стояли по мерзости с теми, которые

творятся там. Надеюсь, что ты быстро поймёшь, что это не сказки и не красивые строчки в учебнике, это жизнь. Только проработав год я осознал, сколько же у нас поломанных судеб из-за ненормальных психов, считающих, что они могут решать за других, как кому умирать. Это просто кошмар.

– Послушайте, майор, вы же знали всех, кто вёл это дело до меня, верно? – задумчиво спросила я у мужчины.

– Да, – кашлянув в кулак, отозвался Константин.

– Насколько я помню, были те, кто сам отказывался от этого дела, а был ли среди следователей тот, кто готов был до конца расследовать это дело? – приподняв бровь, я ещё раз осмотрела разбросанные по столу папки. – Ведь нужно же и дальше портить вещественные доказательства и рушить цепочки следователей, чтобы не дай бог не вышли в ходе расследования на реального убийцу.

– Это непростая работа, копаться в грязном белье людей, – ухмыльнулся майор, отвернувшись к окну. – Только Федька Ильин, совсем зелёный опер, готов был взяться за расследование с большим энтузиазмом, чем у тебя. И тому срок за нераскрытие не сулил. Вот только подозревать его глупо, давно мёртв... Не знаю, чего конкретно он успел нарыть, не делился с нами, но говорил, что вычислил маньяка, осталось только улики собрать. А после третьей жертвы, его нашли повешенным у себя в квартире. Не тот он был пацан, чтобы так в петлю лезть. Потому, если не хочешь закончить как он. Лучше просто позволь нашим столичным шишкам себя уволить. Не нравится мне, как идёт следствие. Ой, не нравится.

– Самоубийство на фоне отсутствия каких-либо подвижек в деле? – с интересом посмотрела я на разоткровенневшегося начальника.

– Да, нет, как раз напротив, помогли ему, – майор посмотрел на свои широкие, мозолистые ладони. – Не смог бы он морской узел на спине завязать. Это было предупреждение, для всех остальных. И после такого, ни одного желающего, копаться в этом деле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.